

**Выступление на заседании Круглого стола «Эволюция российского
“среднего класса”»: причины, содержание и перспективы»**

9 декабря 2014 г.

Если можно, я начну общих соображений по поводу того, что уже было сказано. Мне все-таки не совсем удобно работать с этим понятием среднего класса. Не потому что я читал то, что Марина Дмитриевна Красильникова по этому поводу писала. Использовать понятие «высокодоходные группы» мне кажется более правильным. Я объясню почему. Если «средний класс» формируется путем «назначения» в его состав тех или иных категорий граждан, исходя из соображений управления, подавления, или иной политической целесообразности, то с этим средним классом что-то не то. По крайней мере, в западной литературе, которую приходится читать, проблематика среднего класса, поиска среднего класса связана с поиском самостоятельного акторов, которые способны на самостоятельное, независимое от государства действие. Иными словами эта проблематика связана с поиском возможности демократизации, становления институтов, обеспечивающих подотчетность власти и защиту индивида. Обычно разговоры вокруг этого крутятся.

Поэтому если с этой позиции смотреть, то в российской ситуации происходит как? С одной стороны, мы видим, что запрос на демократизацию политических институтов родился именно в этой высокодоходной группе. Если его кто-то и высказывал, то высказывали его во время протестов 2011-12-го годов представители именно в этой группы. Если посмотреть данные опросов, проведенных во время митингов, мы увидим, что это были люди с доходом выше среднего. Среди протестующих люди с такими доходами составляли 75%, среди москвичей таких 50%, среди населения страны в целом – 25%. Да, это были люди с высшим образованием, с двумя высшими образования, всего около 63% протестующих. Но на этом сходство с теми,

кого причисляют (и сегодня здесь причисляли) к среднему классу, заканчивается. Потому что протестующие были информированными, они совершенно точно были социальной активными, не только в смысле протеста, но и в смысле того, что среди них в разы было больше тех, кто оказывает благотворительную помощь, идет работать наблюдателем и т.д. Среди высокодоходной, образованной группы (как и среди населения в целом) дело обстоит совсем не так.

И если вспоминать, что Борис Владимирович Дубин говорил о протестующих: они составляли «меньшинство меньшинства». Да, это высокодоходная группа, но внутри этой высокодоходной группы тех, кто поставил проблематику демократического пути, было мало.

Но при этом здесь еще есть вторая проблема, о которой я хотел бы сказать. Этот протест, как уже сегодня говорилось, был скорее культурный или «стилистический», как сами протестующие это называли. То есть, он был против авторитарной власти, против авторитарной власти Путина, против авторитарной власти лидеров оппозиции. Это был такой запрос, но это еще не политическая программа. Политической программы, наоборот, не было. И достичь желаемого в краткосрочной, по крайней мере, перспективе, в имеющихся условиях было невозможно.

Власть быстро перехватила инициативу у протестующих: «Хотите свободных, честных выборов – вот, пожалуйста, вам честные выборы, поставили вам камеры на участках». И наблюдатели говорят: действительно честно происходило, я видел, никто ничего не подкручивал. При этом большая часть активистов не мыслила процесс манипуляции выборов через селекцию кандидатов, через контроль за средствами массовой информации.

То есть, это был такой культурный, неоформленный, не политический протест. Я бы сказал, что это был запрос в форме протеста. Если сравнивать с протестами других групп (например, фанатов, которые приходили на Манежную площадь в 2010 году), можно сказать, что протестующих и там и там объединяла неуверенность в завтрашнем дне. На фоне такой общей неуверенности возможен был этот массовый протест.

И третье. Тоже проблема, что взаимоотношения этого меньшинства, ставящего вопрос о недопустимости авторитарных инструментов

управления, с большинством населения. Стратегия и реакция власти заключались в том, чтобы отделить это меньшинство от большинства, дискредитировать его в глазах населения. Сама ситуация во многом оказалась случайной. Это относительное большинство и это меньшинство оказались вместе случайно. Поэтому оказалось легко это меньшинство отрезать от остальной страны.

Но мне кажется, проблема намного глубже. Не просто Путин (или власть) разговаривает с большинством, а это оппозиционное меньшинство не может найти с населением общий язык. Скорее, меньшинство просто не хочет этого, боится большинства. Мы наблюдаем на примере отношения «либерально настроено меньшинство» говорят социологам: вы нас обманываете, президентский рейтинг на самом деле ниже, социологи продажные и прочее. Я бы сказал, что это нежелание принять ситуацию и понять, почему люди так отвечают, почему думают именно так, а не иначе.

И здесь мы выходим на еще две проблемы, которые не дают нам двигаться дальше. Вопрос не в том, будут протесты или не нет. Будут протесты! Проблема в том, а меняют ли эти протесты что-либо? Или: могут ли изменения пройти без протестов? Вопрос так не поставлен еще, не артикулирован. И второе: в нынешней ситуации меньшинство оказывается зажатым между большинством, которое ему, как кажется, враждебно (вспомним «Крым наш»). Может быть, отчасти это так, но отчасти и само меньшинство враждебно большинству. И в этой ситуации вообще непонятно, куда двигаться дальше. Тут либо уезжать, либо включаться... в какие-то коррупционные схемы. Включаться в эти процессы по распилу разных частей государства и так приспособливаться к этой ситуации. Но это тогда поражение, отказ от решения вопроса, который «начерно» был поставлена в 2011-2012 гг.

О.М. Здравомыслова. Скажите, Денис. Здесь прозвучала такая мысль, что этот проест – это была реакция неких либералов чуть ли не с западной идеологией 90-х годов против чего – я не знаю. Борис Федорович сказал, это были люди, которые поддерживают эту идеологию. То, что Вы говорили и другие говорили, - это совсем другое.

Д.А. Волков. Такие тоже были.

О.М. Здравомыслова. Они были, но не в этом их особенность.

Д.А. Волков. В идеологическом плане то, что мы видели на материалах своих вопросов, на протест выходили совершенно разные люди. Когда говорят о разных людях, которые вышли на площадь, они как раз в этом смысле были разные.

О.М. Здравомыслова. То есть там были и такие, но это не были их...

Д.А. Волков. И такие, и не такие, другие, а большинство было вообще без каких-то четких представлений, идеологии. Скорее, это общая симпатия.

О.М. Здравомыслова. Но Вы это описываете как феномен культурного протеста в значительной степени, морального протеста.

Д.А. Волков. Чем-то похожие, наверное, на протесты 68-го года.

Б.Ф. Славин. А руководители этого движения?

Д.А. Волков. Они руководители в том плане, что ставили сцену, они делали звук, говорили со сцены. Как наши исследования, так и исследования других коллективов показывают, что люди не за лидерами приходили на митинги. Не для того, чтобы лидеров слушать.

О.М. Здравомыслова. Они, кстати, вызывали очень большое недоверие.

Д.А. Волков. Они чуть-чуть больше симпатии получили под конец. Но в целом лидеры, скорее, пытались «оседлать протестную волну», как сами участники протестов об этом говорили.

О.М. Здравомыслова. Но это не был протест среднего класса. Это был протест...

Д.А. Волков. Если кого-то и можно называть средним классом в России, то как раз тех, кто вышел протестовать в 2011-2012 гг. Это не просто люди с высоким уровнем образованием, люди с высоким доходом, но и независимые от государства – экономически, интеллектуально, информационно.